

Научная статья

УДК 94(470.6) «1920-1930гг»

ББК 63.3(235.7)6

Б 12

DOI: 10.53598 / 2410-3691-2023-1-314-22-29

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИНЕ В СРЕДЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СЕВЕРОКАВКАЗЦЕВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ В ЕВРОПЕ (1920-1930-Е ГГ.)¹

(Рецензирована)

Ирина Леонидовна Бабич

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Рос-
сийская академия наук, г. Москва, Россия*

babi7chi@yandex.ru

Аннотация. Понятие «Родина» для северокавказских эмигрантов первого поколения, осевших в европейских странах в 1920-1930-х гг., в исторической перспективе получило разные трактовки в зависимости от следующих факторов: судьбы горца в России до 1917 г., политических взглядов, сложившихся до 1917 г. и в период эмиграции (монархических, националистических, религиозных), кругов общения в эмиграции, уровня адаптации к европейской жизни. Эта проблема лежала скорее в политическом поле, чем в нравственном восприятии понятия «Родина». Проявления отношения к Родине: стремление иметь французский паспорт или проживать по нансеновскому паспорту, стремление к общественно-политической деятельности в эмиграции, желание быть членом северокавказских организаций и т.д. В результате под понятием «Родина» могли фигурировать и Россия, и Северный Кавказ как часть России и как отдельный регион – Северный Кавказ, и Кавказ в целом. Цель статьи – на примерах судеб ряда северокавказских эмигрантов в Европе показать, как проявлялись выявленные нами тенденции.

Ключевые слова: Европа, народы Северного Кавказа, Родина, Российская империя, Северный Кавказ, эмиграция.

Для цитирования: Бабич И.Л. Представления о «Родине» в среде европейских северокавказцев первой волны в Европе (1920-1930-е гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2023. Вып. 1 (314). С. 22-29. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2023-1-314-22-29.

Original Research Paper

“HOMELAND” AS A CONCEPT FOR THE EUROPEAN NORTH CAUCASIANS OF THE FIRST WAVE IN EUROPE (1920-1930S)

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Irina L. Babich

*N.N. Miklukho-Maklai Institute of Anthropology and Ethnography RAS,
Moscow, Russia*

babi7chi@yandex.ru

Abstract. In the historical perspective the concept of “homeland” for the first generation of North Caucasian emigrants, who settled in European countries in the 1920s-1930s, received different interpretations. It depended on the following factors: the fate of the persons in Russia before 1917, their political views that existed before 1917 and during the period of emigration (monarchical, nationalist, religious), social life in emigration, the level of adaptation to European life. This problem belonged more to the political field than the moral aspect. The attitude towards the homeland was manifested in different ways: the desire to have a French passport or live with a Nansen passport, the desire for social and political activities in exile, the desire to be a member of North Caucasian organizations, etc. As a result, both Russia and the North Caucasus as part of Russia and as a separate region - the North Caucasus and the Caucasus as a whole - could be understood as Homeland. The aim of this article is to show the development of the trends on the example of North Caucasian European emigrants` lives.

Keywords: Europe, peoples of the North Caucasus, Homeland, Russian Empire, North Caucasus, emigration.

For citation: Babich I.L. “Homeland” as a concept for the European North Caucasians of the first wave in Europe (1920-1930s) // Bulletin of the Adyge State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Culturology». 2023. Iss. 1 (314). pp. 22 - 29. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2023-1-314-22-29.

Введение. После Октябрьской революции 1917 г. помимо русских военных, чиновников, купцов и др., из России эвакуировались и представители северокавказских народов, которые тоже были недовольны установлением власти большевиков. Адаптация к новой жизни в чужих странах занимала умы и сознание горцев Северного Кавказа, тем не менее, они не забывали свою Родину, которую были вынуждены покинуть по разным причинам. Однако понятие «Родина» для северокавказских эмигрантов первого поколения, осевших в европейских странах в 1920-1930-х гг., в исторической перспективе получило разные трактовки. Это зависело от следующих факторов: судьбы горца в России до 1917 г., политических взглядов, сложившихся до 1917 г. и в период эмиграции (монархических, националистических, религиозных), кругов общения в эмиграции, уровня адаптации к европейской жизни. Эта проблема

лежала скорее в политическом поле, чем в нравственном восприятии понятия «Родина». Под понятием «Родина» могла фигурировать и Российская империя, и Россия, и Северный Кавказ как часть России и как отдельный регион – Северный Кавказ, и даже Кавказ в целом. Представления о Родине северокавказцев проявлялись по-разному: для одних было важно сохранять свою связь с Родиной, проживая по нансеновскому паспорту, который выдавался беженцам без гражданства в качестве документа, удостоверяющего личность. Другие, наоборот, стремились получить французское гражданство и французские документы. Многие северокавказские эмигранты активно участвовали в общественно-политической деятельности, чтобы освободить свою Родину – Северный Кавказ, сделать его независимым. Для кого-то связь с Родиной проявлялась в стремлении создавать национальные общественные

организации: осетинские, черкесские, в которых поддерживалась память об этнических традициях.

Методы. Цель статьи – на основе ряда европейских архивов на примерах судебных ряда северокавказских эмигрантов в Европе показать, какие представления о Родине складывались в северокавказском эмигрантском сообществе 1920-1930-х гг. в силу целого ряда обстоятельств. В статье использован исторический метод, который позволил проанализировать собранные материалы в хронологическом порядке.

Результаты. Опишем судьбу генерал-майора кабардинца Федора Николаевича Бекович-Черкасского. Вскоре после Октябрьской революции он эвакуировался в Константинополь. В это же время там оказались многие генералы с Северного Кавказа, сделавшие, как и Ф.Н. Бекович-Черкасский, отличные военные карьеры в Российской империи. Федор Николаевич и другие северокавказские военные были воспитанниками российских военных учебных заведений, служили в Российской армии. Эта была горская элита [1; 171-186]. За годы учебы и военной службы в их мировоззрении сформировались представления о Родине. Для них Родиной стала Российская империя, включая Северный Кавказ. Многие из них служили в разных регионах России, часто вдалеке от своей малой Родины. Ф.Н. Бекович-Черкасский вместе с другими генералами-северокавказцами (Я. Хабаевым, С. Мальсаговым и др.) и дипломатом В.Н. Гаджемукковым в Константинополе в 1920 г. организовали Национальный комитет освобождения горских народов от большевиков. Все горцы – члены Кавказского комитета, к 1917 г. в течение многих лет верою и правдою служили России, имели «пророссийские» взгляды, поддерживали Российскую империю и российскую монархию, а главное – российское присутствие на Северном Кавказе, признавая его целесообразность.

Члены Комитета планировали вести борьбу за восстановление Российской империи и российской монархии в России вообще и на Кавказе в частности, т.е. за возвращение Северного Кавказа в состав Российской империи.

Из Константинополя Ф.Н. Бекович-Черкасский переехал во Францию, осел в Париже, активно включился в «русскую монархическую организацию Николаевского толка» – сторонников бывшего Верховного главнокомандующего Российской армией великого князя Николая, стал участвовать в деятельности различных военных союзов. Безусловно, для него понятие «Родина» было связано с Российской империей и Северным Кавказом как части Российской империи [2]. Такое же понятие Родины было и у другого кабардинца, врача Владимира Николаевича Кудашева. Жил он в Киеве в собственном доме. В 1906 г. он финансировал «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев». В 1913 г. В.Н. Кудашев издал книгу «Исторические сведения о кабардинском народе», которая была посвящена празднованию 300-летия царственного дома Романовых. Кудашев в общественно-политической жизни в эмиграции не участвовал [3].

Еще один генерал-майор Российской армии – Константин Николаевич Хагондоков родился в 1871 г. в Тифлисе в семье военного кабардинца – майора и его жены – русской дворянки Александры Свищевой. Константин Николаевич сделал прекрасную военную карьеру, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Он дослужился до военного губернатора Амурской области (1916 г.). Он имел монархические взгляды. В эмиграции К.Н. Хагондоков стал активным участником различных общественно-политических объединений. Его коллеги по военной службе в России пригласили его вступить в русскую масонскую ложу. Рекомендации дали

П.А. Половцов (Половцев) и Э.П. Беннигсен. Они считали, что Хагондоков был русским патриотом (при наличии национальных чувств к кабардинцам) [4]. Для Константина Николаевича Родина – это Российская империя и Кабарда в составе империи.

Еще один пример. Адыг, дипломат Василий Николаевич Гаджемукоев родился 10 апреля 1880 г. в Санкт-Петербурге. С 1906 по 1921 гг. он практически все время работал в восточных странах. В 1920 г. он эвакуировался в Константинополь, где жил до конца 1922 г. Гаджемукоев принимал участие в упоминавшемся выше Кавказском комитете. Затем он обосновался в Марселе и не принимал никакого участия в общественно-политической жизни европейских северокавказцев. Гаджемукоев не был замечен в установлении контактов с северокавказцами, отстаивающими идеи независимости [5]. Для Гаджемукоева Родина – это Российская империя и Северный Кавказ в составе империи.

Другой пример – судьба осетина, офицера Михаила Николаевича Абадиева. Переселившись в Париж, где оказалась большая осетинская колония, М.Н. Абадиев стал инициатором создания в 1925 г. Осетинского национального (но не националистического) объединения, став его председателем. Со временем в Париже появились и другие осетинские национальные объединения, но Абадиеву удалось договориться с ними, и в 1930 г. появилась новая организация, объединяющая всех осетин Франции, – «Объединение осетин во Франции», под председательством опять же Абадиева. Кроме национальных (кавказских, осетинских) организаций, в которых участвовал М.Н. Абадиев, в 1925 г. он стал членом русской партии – Республиканско-демократического объединения, которым руководил П.Н. Милюков. Абадиев сотрудничал с газетой, издаваемой в эмиграции

руководством этого объединения – «Последними новостями». Подчеркнем, что со временем М.Н. Абадиев вышел из всех северокавказских и осетинских объединений, тогда как в милюковской партии он оставался вплоть до Второй мировой войны – до 1939 г. Михаил Николаевич Абадиев – не единственный северокавказец, который примкнул к республиканско-демократическому объединению. Можно упомянуть имя другого осетина – Семена Андреевича Хатаева [6; 12-14]. Михаил Николаевич Абадиев – образец северокавказского интеллигента, ставшего в эмиграции одним из немногих рупором горцев, помнящих Российскую империю и все то, что она сделала для них в течение XIX – начала XX вв. Он высоко оценивал историческое значение России на Кавказе и понимал исторические процессы, связанные с общественно-социальным развитием горцев лучше, чем это делали многие горцы, выдавая желаемое за действительное, становясь своего рода мечтателями. Военное и юридическое мышление М.Н. Абадиева не позволяло ему фантазировать на тему «независимости Северного Кавказа». Для Абадиева Родина – это Северный Кавказ в составе Российской империи [7; 12-19].

Айтек Алиевич Намитокоев (Намиток) – один из крупнейших представителей интеллигенции западных адыгов. Он имел тесные связи с кубанскими казаками, в 1918 г. входил в Кубанскую Раду. В эмиграции Айтек пережил своего рода процесс «этнизации», когда он отошел от идеи союза с кубанскими казаками и пришел к идее союза с остальными горцами Северного Кавказа вообще и адыгами в частности. И одновременно стал членом кавказской масонской ложи. У него постепенно менялось представление о Родине: если ранее для него это была Российская империя и Кубанская область в составе империи, то перейдя в лагерь националистов, отстаивающих

идею независимости, он стал рассматривать Северный Кавказ как Родину отдельно от России.

Похожим понятием «Родина» пользовались горцы Северо-Восточного Кавказа: ингуши, чеченцы. Рассмотрим судьбы ингушей Джамала Албогачиева и Мусы Куриева. Имея экономическое образование, уже в эмиграции - в Париже, Албогачиев работал в кабаре, исполнял кавказские танцы. В общественно-политической жизни Джамал придерживался взглядов создания независимого государства на Северном Кавказе. Для него Родина – это, безусловно, Северный Кавказ.

Муса Куриев стал одним из активных членов созданной К.Н. Хагондоковым кавказской масонской ложи. Его считали «русским патриотом», так как его предки служили в Российской армии в течение XIX в. Однако он постепенно отошел от русских и прорусских кавказских масонов и увлекся идеями создания на всем Кавказе Конфедерации народов Кавказа [4]. Изменились и его представления о Родине. Северный Кавказ и даже весь Кавказ стали для него Родиной. Об этом же писал и осетин Тамбий Елекхоти, который в связи с идеей Конфедерации кавказских государств (Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа) доказывал наличие кавказской идентичности и утверждал, что его Родина – весь Кавказ. Он так говорил: «Мы кавказцы, не связанные с русскими ни расовым, ни языковым, ни культурным, ни бытовым сходством, ни родством, хотим жить сами, без опекунов и без хозяев, хотим сами распоряжаться тем, что нам дает наша земля» [8]. Такие северокавказцы негативно относились не только к русской власти в регионе, но и к русской культуре вообще и русскому языку в частности [9; 19-26].

Интересна и трансформация понятия «Родина» у детей эмигрантов первого поколения. Эмигранты первого поколения, которые отстаивали

независимость Кавказа от России и СССР, старались жить по нансеновским паспортам, но их дети, которые приехали в эмиграцию в раннем возрасте, стремились получить французские документы. Они не только адаптировались, но и интегрировались во французское общество. За редким исключением дети эмигрантов первой волны не унаследовали политических взглядов своих родителей, они не вступали ни в какие националистические северокавказские организации, предпочитая участвовать в общественной жизни французского общества.

Упомянувшийся выше адыг, врач Владимир Николаевич Кудашев до революции был монархистом, женился на русской женщине. Сын Владимира Николаевича, родившийся в 1905 г. в Киеве и эмигрировавший в 1922 г. в возрасте 17 лет, помнил, что он – кабардинец, знал кабардинский язык [10, 11; 237]. Он дважды женился на немках, принимал участие во Второй мировой войне на стороне немцев. Вместе с женой после Второй мировой войны уехали в Аргентину, где в семье родился сын Александр. Во время проживания в Аргентине дома супруги говорили по-русски, и мальчик знал русский язык. В 1958 г. семья переехала в Мюнхен, Александр пошел в немецкую школу, русский язык забыл, и его родным языком стал немецкий. Но у него в памяти осталось то, что его корни в России и что его предки – русские. Александр уже ничего не знал ни о кабардинцах, ни о своем уникальном деде из уст отца. В доме родителей Александра кроме православного вероисповедания отца «не было ни кавказской, ни русской» культуры. По словам самого Александра, у него, безусловно, немецкая идентичность (его мама – немка). Но иногда он чувствует в себе русскую душу, издали любит Кабарду и кабардинцев.

То же самое имело место в семье адыга Измаила Шакова, его дочь Цурьетта вышла замуж за адыга Т.

Шарданова, в семье родилась девочка Фатима. Фатима вышла замуж за американца и уехала в США. Их совместные дети стали американцами. В семье сохранялся русский язык, а адыгские корни практически забылись. В результате праправнучка Измаила Шакова Кристиан была уверена, что их корни – русские. Она выучила в университете русский язык. Приезжала на Северный Кавказ и говорила, что ее предки – русские [12; 137-158].

Сходный пример был в семье потомков осетина Мистулова. После Второй мировой войны они переехали в США. Внук эмигранта первой волны Александр живет в Лос-Анджелесе, знает русский язык, но не владеет осетинским языком, хотя знает об Осетии и о своем осетинском происхождении. В его семье, семье его отца Асланбека Дударовича была русская жизнь в США, русская еда. Дома говорили по-русски. Для него Родина – это Россия и Северный Кавказ в составе России.

Сын Василия Николаевича Гаджемукова - Измаил не знал адыгского языка, но помнил отдельные слова. Как рассказывал нам его племянник Себастьян, Измаил вспоминал слова «пши» (князь), «псе» (душа), «аул». У него сохранялась память об адыгской истории и культуре. Измаил имел фамильную тамгу Гаджемукдовых. У адыгов каждая семья имела (и имеет до сих пор) свою тамгу. По семейным преданиям, эта тамга была передана Измаилу его сестрой Ксенией. В доме Измаила сохранялись некоторые вещи из семьи Гаджемукдовых: ногайка для конного спорта, кинжал, пашка, детская кукла казака. Измаил хорошо знал русский язык, даже пел русские песни, например: «Как ныне взбирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам»; «Да громче музыка, ура, ура, мы за царя...». Внучатый племянник Измаила - Себастьян родился в 1979 г. и до смерти Измаила (в 2009 г.) много общался с ним. Измаил рассказывал

мальчику об адыгах, об эмиграции [5, 13]. Для Себастьяна Родиной является Россия и Северный Кавказ в составе России. Неслучайно он самостоятельно выучил русский (а не адыгский) язык.

Результаты и обсуждение. Приведем примеры столь разных представлений северокавказских горцев в эмиграции о том, что для них была Родина, безусловно, можно увидеть связь таковых с исторической памятью, которая сложилась и продолжает складываться у потомков эмигрантов первой волны. Большинство из них приехали в Европу сложившимися людьми с определенными взглядами на Россию и Северный Кавказ. Те, кто был воспитан в рамках российского менталитета, а именно: чиновники, военные (от рядовых до генералов), дипломаты, инженеры и т.д., получившие образование в российских учебных вузах, в европейской эмиграции вспоминали именно Россию или Российскую империю с ее монархическими устоями. Были исключения: иногда в сознании горцев происходила своеобразная «этнизация», когда эмигранты начинали отстаивать идею о будущей независимости Северного Кавказа и его конфедеративном союзе с будущими государствами Южного Кавказа – Грузией, Арменией и Азербайджаном. Вместе с этим процессом менялись представления горцев о Родине: они начинали ее представлять как Северный Кавказ, а иногда как Кавказ в целом. Менталитет горцев, сложившаяся до революции идентичность становились фундаментом формирования их взглядов и на историческое прошлое, и на свою прошлую (бывшую) Родину.

Заключение. В результате сформированные за 1920-1930-е гг. представления о Родине повлияли на отношение горцев ко Второй мировой войне и ее роли в жизни бывшей Родины. Северокавказские эмигранты, дожившие до Второй мировой войны, сформировали четыре позиции

отношения к немецкой идеологии и партии: 1) поддержка в среде северокавказских эмигрантов национал-социалистической партии Германии и будущей войны Германии с Россией; 2) участие в воинских подразделениях Германии во время Второй мировой войны с Россией; 3) отрицание фашистской идеологии и участие во французском Сопротивлении; 4) нейтральное отношение и «примиренческое» поведение и проживание на оккупированных немцами французских территориях. Те северокавказцы, которые отстаивали независимость Кавказа и для которых Родиной был только Северный Кавказ или Кавказ, как правило, стремились использовать Германию в качестве инструмента борьбы за свои политические интересы. Некоторые горцы Северного

Кавказа сотрудничали с немцами, другие участвовали в военных подразделениях Германии и активно воевали с СССР. Но были, как можно увидеть на примере судеб А. Намитокова и В.-Г. Джабагиева, исключения: несмотря на их взгляды (создание независимого государства на Северном Кавказе), от сотрудничества с немцами они отказывались. Те, для которых Родиной была вся Россия, включая Северный Кавказ, стремились бороться с немцами. Например, Ф.Н. Бекович-Черкасский не участвовал в кавказских движениях во время Второй мировой войны, которые поддержали немцев в их войне против СССР. Более того, есть информация, что он был одним из руководителей Русского антифашистского сопротивления в Париже.

Примечания:

1. Бабич И.Л. Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В.А. Тишкова. М., 2008, С. 171-186.
2. Бабич И.Л. Северокавказские эмигранты во Франции. М.; Берлин, 2019.
3. Бабич И.Л., Гладкова Т.Л., Мнухин Л.А. Северокавказцы в мире в XX веке. М.; Берлин, 2020.
4. Архив Большой ложки Франции. Париж. Коробка 3.
5. Семейный архив Гаджемуктовых. Париж.
6. От редакции. Хроника // Северный Кавказ. 1937. № 36.
7. Бабич И.Л. Михаил Николаевич Абадиев: некоторые аспекты общественно-политической деятельности в эмиграции // Вестник Северо-Осетинского государственного университета К.Л. Хетагурова. 2021. № 1.
8. Архив Али Мардан Топчибаши // CERCEC. Париж.
9. Бабич И.Л. Тамбий Елекхоти: некоторые аспекты политической деятельности в эмиграции в 1920-1940-е гг. // Вестник Владикавказского научного центра. 2022. Т. 22, № 4.
10. Полевые материалы Й. Шнелле. Интервью с А. Кудашевым. Берлин, 2020.
11. Ferrand J. Les Familles princieres de L'ancien empire de Russie (en e'migration en 1978). Montreuil, 1980.
12. Бабич И.Л., Страйхорн К. Двадцатый век в судьбах северокавказской интеллигенции: И.М. Шаков и его потомки // Кавказология. 2020. № 4.
13. Полевые материалы Бабич И.Л. Интервью с С. Гаджемукковым, 22 марта 2012 г. Париж.

References:

1. Babich I.L. Interrelation of modern mountain ideologies and national interests of Russia in the North Caucasus // North Caucasus in the national strategy of Russia. Ed. by V.A. Tishkov. M., 2008. P.171-186.
2. Babich I.L. North Caucasian emigrants in France. Moscow-Berlin, 2019.

3. Babich I.L., Gladkova T.L., Mnuhkin L.A. North Caucasians in the world in the 20th century. Moscow-Berlin, 2020.
4. Archive of the Grand Lodge of France. Paris (France). Box 3.
5. Family archive of the Gadzhemukovs. Paris (France).
6. From the editors. Chronicle // North Caucasus. 1937. No. 36.
7. Babich I.L. Mikhail Nikolaevich Abatsiev: some aspects of social and political activity in the emigration // Bulletin of the North Ossetian State University of K.L. Khetagurov. 2021. No. 1.
8. Archive of Ali Mardan Topchibashi // CERCEC. Paris (France).
9. Babich I.L. Tambiy Elekkhoti: some aspects of the political life in the European emigration in the 1920s-1940s. // Bulletin of Vladikavkaz Scientific Center. 2022. Vol. 22. No. 4.
10. Field materials of J. Schnelle. Interview with A. Kudashev. Berlin, 2020
11. Ferrand J. Les Familles princieres de L'ancien empire de Russie (en e'migration en 1978). Montreuil. 1980.
12. Babich I.L., Strayhorn K. The twentieth century in the destinies of the North Caucasus intelligentsia: I.M. Shakov and his descendants // Caucasian Studies. 2020. No. 4.
13. Field materials of Babich I.L. Interview with S. Gadzhemukov, March 22, 2012, Paris (France).

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The paper was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.

© И.Л. Бабич, 2023